

УДК 821.161.1

М. А. Дмитриовская

**ВЕГЕТАТИВНЫЙ КОД В РАССКАЗЕ НИКОЛАЯ КОНОНОВА
«АМНЕЗИЯ АНАСТАСИИ»
2. ОБ ОВСЕ ОБА-ВСЕ¹**

39

Сам кашу заварил, сам и расхлебывай.

Во второй статье цикла рассматривается роль вегетативного кода в передаче ядра скрытой семантической системы Н. Кононова: речь идет о развертывании двойственного и множественного числа субъектов из единичного я (ego). Паронимия рус. корень и англ. corn 'зерно' дает возможность перейти к рус. овес, которое в различных игровых языковых трансформациях может репрезентировать это развертывание. Показано, как через описание вегетативного цикла овса (или, что то же самое, из единичности-двойственности и множественности субъектов) происходит развертывание временного континуума в виде годового круга. Механизму порождения противопоставит у Н. Кононова процесс дробления и отождествления сущностей и временных отрезков, что приводит к неустойчивости их онтологического статуса. Всё становится фикцией и вследствие этого литературой (fiction). Рассматриваются формы авторского присутствия в системе скрытых кодов.

The second article of the series considers the role of the vegetative code in conveying the core of N. Kononov's hidden semantic system, namely, the development of the dual and the plural from the singular I (ego). The paronymy between the Russian koren (root) and the English corn makes it possible to progress to the Russian ovyos (oats), which represents this development in different linguistic transformations. It is shown how the description of the vegetative cycle of oats (or the singularity/duality and plurality of subjects) is used to develop a time continuum, i.e. the year circle. The generation mechanism is opposed to the process of fragmentation and the identification of entities and temporal intervals, which results in the instability of their ontological status. Everything becomes fiction. The article considers the forms of the author's presence in the system of hidden codes.

Ключевые слова: Николай Кононов, «Амнезия Анастасии», вегетативный код, мультиязыковой код, анаграмма, языковая игра, семантический инвариант и варианты.

Key words: Nikolai Kononov, "Anastasiya's Amnesia," vegetative code, multi-language codes, anagram, language game, semantic invariant and variants.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 14-04-00124 «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности».

Во всех произведениях Николая Кононова присутствует единый семантический инвариант, который при различных способах языкового перекодирования порождает множество вариантов — текстов писателя. Особое место в системе Н. Кононова занимает единичное я (*ego*). Путем рефлексии (= зеркального отражения *ego*) возникает *ego* двойник (*on*), а из этой двойчатки и весь мир с множеством населяющих *ego/ego* людей. Увеличение, разрастание мира из *ego* тождественно раздвоению *ego*, которое в виде формулы *раз, двое... N* порождает дальнейшее дробление *ego* и одновременно бесконечное число людей [3]. В настоящей статье мы вскроем механизм языковой и смысловой перекодировки этой части системы в рассказе Н. Кононова «Амнезия Анастасии» (1999) и покажем, как транспонированный таким образом узел служит средством порождения годового временного континуума.

В предыдущей статье цикла было показано, что таинство вегетации связано в рассказе в первую очередь с бабушкой, которая уподобляется корнеплоду. На основе анализа мультязыковых анаграмматических возможностей слова *корень* был показан изоморфизм человека и растения и одновременно трехчленное деление мира по вертикали [2]. Слово *корнеплод* с точки зрения строения слова содержит *два корня*, что соответствует требованию первоначального удвоения или раздвоения сущности. Третий *корень* — ботанический термин. Переход к множественности даст нам две возможности номинации — *корни* и *коренья*, где в слове *корень-я* скрыто я (*ego*), сводящее множественность корней и кореньев к единичности *корн-я* (с синкретичным значением). Это я (*ego*) повествователя и, соответственно, самого автора. Аналогично выглядит мн. ч. слова *колось-я*. Многозначность слова *корень* дает возможность писателю одновременно осуществлять рефлекссию над процессом письма.

Вегетативный цикл служит ярчайшей иллюстрацией неразрывности жизни и смерти, их переходов друг в друга и взаимобратимости. Показательно исходное значение лат. *vegeto* — ‘оживлять’, первоначально не имевшего растительной семантики.

Слово *корень* паронимично англ. *corn* ‘зерно, зернышко (хлебных злаков); зерновые хлеба’, нем. *Korn* ‘собир. хлеб’, ‘семя’. «В различных регионах эти слова могут использоваться как обозначение наиболее распространенных зерновых, например, кукурузы и маиса в Америке, пшеницы в Англии, овса в Шотландии и Ирландии, ржи в некоторых частях Германии» [6]. Англ. *corny* ‘хлебный, зерновой’ паронимично русск. *корни*, так что единичность или множественность корней не влияет на их языковую связь с зерном, а слово *зерно* может относиться как к единичному экземпляру, так и к собирательной множественности, сохраняя при этом грамматическую форму ед. ч. Англ. *corny* имеет также значение ‘старомодный, отживший свой век’, что позволяет Н. Кононову увидеть в бабушке не просто *корень* («Вот — бабушка, укоренившаяся в своей жизни, как *корнеплод*...» [4, с. 387], но именно *корень зла-ка*, а также идентифицировать этот злак как овес — протипическое зерно (*corn*) в Шотландии и Ирландии. Старуха активно ест овсяную кашу, которая на английский манер (чтобы указать на корни!) называется пориджем, ср.: «Бабушку кормили *пориджем*...» [4, с. 387], «старухин *поридж*» [4, с. 393]. Один раз прямо сказано: «бабушкин *овес*» [4, с. 388].

Слово *овес* идеально встраивается в систему Н. Кононова, поскольку в различных языковых трансформациях способно выразить тождественность единичности, двойственности и множественности, а также изоморфность увеличения, умножения, с одной стороны, и раздробления, деления — с другой. Форма *об овсе* дает *оба-все*, где двойчатка тождественна всем элементам множества, при этом элементов может быть от двух до бесконечности. Слово *овес* в обратном чтении на латинице дает возвратное местоимение *себя*, которое относится к любому количеству одушевленных субъектов в форме любого лица — 1-го, 2-го или 3-го. Форма *себя* при употреблении подлежащего в ед. ч. фиксирует необходимую единичность. Представление *себя* как *беся / бес я* делает субъекта психом, то есть наделяет Психеей, душой, а вариант *без я* делает писателя и всех действующих лиц иллюзорными.

В рассказе Н. Кононова роман между повествователем и Анастасией разворачивается холодной зимой. Знакомство повествователя с Селиком — дядей Анастасии — и возникшее чувство к нему «проталкивает» время к весне: «Замерзнуть я уже не мог никогда... А через месяц ко мне подступила бурная *весна* с грязными *ручьями* и молодым *солнцеценок* [4, с. 407]. Происходит «воскрешение» героя — в соответствии с этимологией имени бывшей возлюбленной: *Анастасия* — ‘воскресшая’. Семантические потенции прозвища *Селик* задаются межъязыковыми игровыми переходами с учетом возможности озвончения *с* и *к* как *с-о-гласных*. Анаграмма *Селик* — *колесо* задает семантику движения, в том числе кругового движения времени, то есть годового круга. На это же работает анаграмматичность слов *Селик* — *Гелиос* ‘солнце’, привносящая смыслы, связанные с аграрным циклом. Анаграмма *Селик* — *сельский* поддерживает сельскохозяйственную семантику, а анаграммы *Селик* — *колос* — *злак* приравнивают героя к хлебному растению, имеющему *cornu*. Межъязыковая паронимия слов *Селик* и лат. *seligo* ‘выбирать’ (откуда *selectio* ‘отбор’) педалирует семантику *селекции* — выведения новых улучшенных сортов сельскохозяйственных растений. Являясь солнцем, Селик отражает сам себя, отбрасывая при этом солнечную тень, что в системе игровых языковых переходов порождает существование *рас-тен’и-я* и одновременно удваивает *я* за счет тени: *раз тень и я*. Но поскольку солнечная тень в принципе невозможна, это делает сущности фикциональными, даже если солнечную тень *отбросить куда подальше*. Так рождается аполлоническое искусство — литература (fiction). Формы *растени-я* (род. п., ед. ч. и им. п., мн. ч.) вскрывают наличие *я* (*ego*) и его отражения (тени) и выявляют тождество Селика, героя-повествователя и писателя Н. Кононова. Одновременно устанавливается тождество единичности и множественности как растений, так и *я* (*ego*). Все герои — как результат редупликации писательского *я* (*ego*) Н. Кононова — вместе с ним занимаются *рас-тени-е-вод-ством* — *вводят* свои отражения-тени.

В системе кодов Н. Кононова все указанные смыслы связаны с овсом: *овес* — это прототипическая сельскохозяйственная культура, представляющая одновременно *все* растения и связанная с годовым циклом аграрных работ в целом.

Селик напрямую связан с овсом — он передает овсянку для бабушки в продуктовых посылках из Москвы, которые получают через проводников. Роман с Селиком завязывается у повествователя сразу, когда он встречает самого Селика на вокзале и помогает справиться с сумками (он *тяжеловоз* — *тяжеловес* — *тяжел овес* и *тяжел, о вес!*). *Вес*, масса любого тела есть *овес*. Сила тяжести есть *овес*. Само тело человека, имеющее *вес*, это *овес*. Поцелуй с Селиком резко меняет мировосприятие повествователя: если в период любви к Анастасии его постоянно преследовала мысль о собственной и ее смерти, то здесь происходит прорыв к физическому ощущению жизни: «Впереди у меня вся жизнь, не смотря на то, что я умру, но в настоящем-то я жив, хотя оно и станет грамматически прошлым» [4, с. 405]. Это жизнеутверждающее высказывание содержит внутреннюю полемику, что внешне выражается в антитетичном построении и наличии уступительной конструкции. Вкупе с начинающей вскоре звучать темой весны оно непосредственно связано со стихотворением А. Блока «*О, весна без конца и без краю...*» (1907) [1, с. 194]. Лирический герой Блока узнает и принимает жизнь, хотя по перечислению ряда признаков *зла* (то есть *зла-ка*), принять ее, казалось бы, невозможно. Кроме того, он, как Персей, бряцает щитом и собирается сражаться с жизнью, явившейся в облике Медузы Горгоны [5]. *Хлеб — всему голова*. Эта голова и будет отсечена Н. Кононовым.

В контексте системы Н. Кононова первая строчка Блока прочитывается как «*Овес — на, без конца и без краю...*». Совпадение овсяной и весенней темы выявляется через паронимичность выражений *О весна!* и *с Авена* (где *Авена* — лат. таксономическое названия овса). Прилагательное *овсяная* анаграмматично белорус. *вясна* 'весна', а при разложении на *о-вся-на-я* позволяет, с одной стороны, подчеркнуть женскую сторону *оба-все*, а с другой — точно зафиксировать наличие *я* (ego) в овсяном коде.

При переходе к множественности адресатов (совпадающих у Н. Кононова с субъектами и объектами) из трансформированной формулы Блока «*Овес — на...*» мы получим *Овес — нате!* При этом анаграмма *нате* — *анти-* вводит тему противопоставления и отражения: *овес = сева* (*сев*). *Оба-все* и единичность *его* тождественны непрекращающемуся *сажанию, посеванию* — поистине «без конца и без краю». Бабушка Анастасии (зеркальное отражение повествователя) постоянно сидит в кресле, потому что она *посажена* — в трех взаимодействующих различных смыслах: 1) как человек в кресло, 2) как растение, в том числе и как овес, 3) заключена в тюрьму, где обречена на неподвижность. Переход к финальным событиям вегетативного цикла овса требует обращение к загадке, в которой учитывается «корнеплодность» «посаженной» бабушки: «Сидит красная девица в темнице, а коса на улице». Коса в заточении постоянно затачивается и служит инструментом смерти — косит овес и людей (*оба-все*). Формула *Овес — нате* при этом трансформируется в *Овес — Нате*, где Ната — Наталья Овсяница. Двадцать шестое августа по старому стилю — день святых мучеников Адриана и Наталии. В этот день начинали или заканчивали покос овса. Принято было угощение: овсяные блины, дежень, овсяный кисель: *Несёт Наталья в овин овсяный блин, а Одрян — в горшке толокно*. Овсяная мука и толокно связаны с

измельчением зерна и, соответственно, увеличением числа элементов в овсе. Слово *овин* — ‘сарай, где производилась горячая сушка снопов’ паронимично лат. *Avena* ‘овес’ а также слову *овен*, которое отсылает к пасхальному агнцу и смерти Христа с последующим воскресением из мертвых — новогреч. ἀνάστασις ἐκ νεκρῶν, где ἐκ νεκρῶν анаграмматично словам *корень* и англ. *corn* ‘зерно’.

Постоянное наличие у Н. Кононова овсяной каши в рационе старухи связано с ее скрытым атрибутом — косой: *Адрейн с Натальей овсы закашивает*. Так возникает игровая возможность трактовки скашивания как превращения в кашу. Наталья Овсяница и Адриан Толоконник образуют зеркальную двойчатку: лат. *natalis* — русск. *родная* — анаграмма имени *Адриан*. Имя Наталья связано с семантикой рождения. Лат. *natalis* родственно лат. *nascor* ‘рождаться, возникать, вырастать’ и *natus*, -a, -um ‘рожденный’.

Овес оказывается связанным с важнейшим событием годового круга — Новым годом. Вечер накануне Нового года назывался Авсень (Овсень, Овесень, Таусень и т. д.). Так же назывались и песни, которые исполнялись при хождении по домам. Единой этимологии слова *Авсень* нет, но на основе народной этимологии оно сближается со словами *овес* и *сеять*, поскольку одновременно совершался обряд обсеивания — разбрасывалось зерно (часто овес), которое должна была собрать хозяйка. Ритуал был направлен на побуждение плодородящих сил природы в связи с поворотом солнца на весну. Первое января по старому стилю называлось Васильевым днем по имени Василия Великого. Обязательным угощением в этот день была *Васильева каша*. Отметим анаграмматичность слов *овсянка* и *Васенька*.

Рождество тоже важно в системе кодов рассказа. Итальянское название Рождества — *Natale* — корреспондирует с Натальей Овсяницей. Память святой Анастасии Узорешительницы (‘освобождающей от тюремных уз’) по католическому календарю отмечается в день Рождества — 25 декабря. А 26 декабря по ст. ст. (9 января по н. ст.), в день празднования Рождества, в православной церкви отмечается Собор Пресвятой Богородицы, в народном календаре носящий название Бабы каши, или Бабий день. На Руси праздник был посвящен роженцам и повивальным бабкам: последние, согласно обряду, варили кашу.

Все ключевые моменты годового круга Н. Кононов проецирует на себя. Пасха изначально отмечалась 14 нисана (март — апрель). Тур. *nisan* — ‘апрель’. Ничто тюркское писателю не чуждо, ибо настоящая его фамилия — Татаренко. Родился он 14 апреля, то есть 14 *nisan*’а. А на 15 апреля по ст. ст. приходится дни памяти мучениц Анастасии и Василиссы, имена которых отсылают к Рождеству, Новому году, а в более дальней проекции — к Наталье Овсянице. «Все во мне, и я в овсе (м)». Рождение-смерть-воскресение человека и злака слились в одно. Время, не переставая быть круговым, членится на отрезки, а поскольку отрезки тождественны друг другу, стягивается в точку и перестает существовать.

Рассмотрим соотношение слова *каша* и *овес* на предмет их возможности порождения множества людей и статус *я* (*ego*) в этом процессе. Слова *каша* в форме *каш* — палиндром фр. *chaque* 'каждый, -ая, -ое'. Но в слове *каждая* часть *каж-* при оглушении даст *каш-да-я*. Тем самым, с одной стороны, каша содержит в себе *я* (*ego*), с другой — в слове *каждая* (*каш-да-я*) часть *каш-* снова обращается во фр. *chaque* 'каждый, -ая, -ое', давая три элемента. Процесс порождения разворачивается по линии местоимений всех трех родов — они являются *рожаницами*. Нарастание множества идет не линейно, как при счете натурального ряда чисел, а представляет собой трехчастное разветвление на каждой ступени, что дает в конечном итоге своеобразное дерево. При этом *я* (*ego*) в качестве двойника присутствует в *каш(е)* / фр. *chaque* в скрытом виде, а при переводе фр. *chaque* на русский язык — в форме ж. р. *каж-да-я* (*каш-да-я*). Часть *оба* в формуле *оба-все* добавляет к женскому мужское для достижения андрогинности и ограничивает бесконечный процесс порождения *каждой/каждого* местоимением *все*, предполагающим исчерпанность множества. Но множество может исчерпаться уже на первом этапе ветвления или на каждом последующем, что делает «мировое» дерево прозрачным и эфемерным. Фр. *chaque* используется по отношению не только к людям, но к любым счетным сущностям. Это обеспечивает разворачивание мира во всем его многообразии в пространстве и времени. При этом *я* (*ego*) может быть двойником любой сущности, не обязательно человека. Однако одновременное наличие фр. местоимений *chacun, -e* 'каждый, каждая', употребляющихся только по отношению к людям и буквально означающих 'каждый один, каждая одна', уничтожает двойничество *я*, оставляя *ego* наедине с собой. Это одно из обоснований прозрачности двойника и самого *ego* в системе Н. Кононова.

Каша представляет собой блюдо, приготовленное в процессе варки из цельного или дробленого зерна с добавлением *жидкости* — воды или молока. Прилагательное *каждый* (игровым образом связанное с *кашей*) является анаграммой слова *жидкий*. В поговорке, взятой в качестве эпиграфа: *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай*, корень глагола *хлебать* омонимичен слову *хлеб* (у них разная этимология) и дает нам чисто языковую возможность перейти от каши (в том числе и овсяной) к хлебу (который нельзя испечь из овса в силу низкого содержания клейковины). Тогда словами *корень* и *corn* 'зерно' покрываются не только овес, но также рожь и пшеница. Хлеб *круглой* формы традиционно назывался калачом или караваем. Но *крух хлеба* — это ломоть или небольшой кусок. Круглый хлеб делится на крохи, умножая крохи.

Писатель хлебает полной ложкой. У него во рту каша. В жажде членораздельности он вываливает *все о вёснах* на бумагу и снова хлебает, чтобы перестать жаждать. Большинство слов имеет *корни = cornu*, то есть является отшлифованными зернами ячменя, перловкой (от фр. *perle*) — жемчужным зерном. В тексте одни перлы: писатель стремится все делать в совершенстве (фр. *perler*) и безупречен как в отделке, так и в разделке.

Продолжение следует.

Список литературы

1. Блок А. Собр. соч. : в 12 т. Л., 1932. Т. 2.
2. Дмитровская М.А. Вегетативный код в рассказе Николая Кононова «Амнезия Анастасии». 1. *Зри в корень!* // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 8. С. 107–112.
3. Дмитровская М. Коли муза Клио: история души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланёр» // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 266–284.
4. Кононов Н. Саратов. М., 2012.
5. Фокин П. Литературоведение // Ликбез. 2003. № 5–6. URL: http://www.likbez.ru/archive/zine_number1172/zine_critics1176/publication1195 (дата обращения: 25.12.2014).
6. *Online Etymology Dictionary*. URL: <http://etymonline.com> (дата обращения: 26.12.2014).

Об авторе

Мария Алексеевна Дмитровская — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

About the author

Prof. Maria Dmitrovskaya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru